

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-94
DOI 10.17223/18137083/54/1

О. А. Фарафонова

Новосибирский государственный педагогический университет

Ситуация путешествия в сюжетогрфии русской мемуаристики XVIII века*

В русской мемуаристике XVIII в. повествования о путешествиях – явление довольно распространенное, что может быть связано со значительным увеличением числа путешествующих российских подданных в постпетровскую эпоху. Становление русской литературы путешествий, равно как и мемуарной прозы, приходится на вторую половину столетия. Индивидуально-личностное повествование, каким является мемуаристика, о собственном пути-путешествии строится, как нам представляется, на основании некоторых устойчивых компонентов сюжета, универсальных повторяющихся моделей, выработанных литературной и культурной традицией. Ретроспективный нарратив мемуарного произведения предполагает наличие главного мотива, подчиняющего себе всю повествовательную структуру мотива воспоминания. С точки зрения травелога как такового (документального или же литературного) объектом наррации является сам процесс путешествия (путь), но в мемуарном повествовании о путешествии на первый план выходят факт присутствия/перемещения автора-героя в ином пространстве и переживание им этого события. Травелог как таковой – не самоцель мемуарного повествования. Сюжетная ситуация путешествия встраивается в общий мемуарный сюжет как одно из воспоминаний в череде других.

Ключевые слова: мемуары, путешествие, сюжет, сюжетная ситуация, нарратив, воспоминания.

Сюжет любых мемуаров прост и всем понятен (воспоминания человека о себе, своих современниках, своей эпохе) и одновременно необычайно сложен, поскольку всегда рождает массу вопросов, касающихся документальности, достоверности, степени художественности и т. п. К исследованию мемуарного жанра в рус-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Аннотированный указатель “Русский травелог XVIII – начала XIX века”» (№ 15-04-00508а).

Фарафонова Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630090, Россия; oxana.faroks@yandex.ru)

ской литературе XVIII в. подходили в разное время и с разных позиций. Так, Г. Г. Елизаветина рассматривала автобиографию и мемуары с точки зрения становления и эволюции жанра [Елизаветина, 1982]. А. Г. Тартаковский в своей монографии представил русскую мемуаристику XVIII в. с историко-типологической точки зрения, выстраивая взаимосвязь между «пробуждением исторического самосознания» и «самосознанием самой мемуаристики», замечательно подсвечивая историко-культурным контекстом «процесс жанровой кристаллизации» [Тартаковский, 1991]. М. Я. Билинкис, говоря об эволюции мемуарного жанра в XVIII в., в качестве точки отсчета избирает соотношение «текст-автор» [Билинкис, 1995]. Генезис жанра, жанрово-видовое многообразие, фигура автора-мемуариста, соотношение документальности и фикциональности в мемуарном произведении – вот в общих чертах основные направления изучения мемуаристики XVIII в. в настоящее время. Собственно поэтика мемуарных текстов этого периода не часто становится предметом исследования. Здесь следует указать работы А. В. Антюхова [2003], В. В. Муравьевой [2004], С. Ю. Антюховой [2005]. Отдельно необходимо отметить монографическое исследование Е. Е. Приказчиковой, в котором рассматривается особенность репрезентации культурных мифов и утопий Русского просвещения в мемуарно-эпистолярной литературе XVIII столетия [Приказчикова, 2010]. Сюжетография русской мемуаристики XVIII в. остается до сих пор областью малоизученной, хотя исследование сюжетологии и сюжетографии русской литературы в целом становится в последнее время все более популярным направлением в филологической науке¹.

Сам по себе сюжет воспоминаний всегда неоднороден. Он, как правило, складывается из нескольких сюжетных линий: частная жизнь (семья), государственная жизнь (служба), события внеличного порядка (повествование о людях, характеристика современной эпохи) и т. д. Каждая из указанных сюжетных линий может включать в себя разное количество сюжетных ситуаций в зависимости от целеполагания мемуариста. Часто в мемуарное повествование органично вплетается рассказ о поездках-путешествиях (частным образом или по казенной необходимости).

Следует отметить, что именно в русской мемуаристике XVIII в. повествования о путешествиях – явление довольно распространенное, что может быть связано со значительным увеличением числа путешествующих российских подданных в постпетровскую эпоху. Как отмечает А. Шёнле, «после указа 1762 г. о вольности дворянства, освободившего высший класс от обязательной службы, состоятельные дворяне, подобно Е. Р. Дашковой, воспользовались этим для путешествий на Запад, во время которых делали иногда дневниковые записи» [Шёнле, 2004, с. 6]. Становление русской литературы путешествий, равно как и мемуарной прозы, приходится на вторую половину XVIII столетия.

В контексте мемуаристики вполне уместно говорить и об аналогии путешествия как такового (в пространстве) «путешествию во времени» (в прошлое). Ретроспективный нарратив мемуарного произведения предполагает наличие главного мотива, подчиняющего себе всю повествовательную структуру – мотива воспоминания.

Индивидуально-личностное повествование (каким является мемуаристика) о собственном пути-путешествии строится, как нам представляется, на основании некоторых устойчивых компонентов универсальной модели, сложившейся в литературной и культурной традиции. С одной стороны, мемуарные тексты столь же уникальны, сколь и их авторы (по крайней мере, в XVIII в., когда мемуары не превратились еще в явление массовое); но с другой стороны, абсолютно уникальными

¹ Доказательством этого могут служить ежегодные конференции «Сюжетология и сюжетография», проводимые Институтом филологии СО РАН, а также одноименный журнал.

оказываются только «частности», которые укладываются в определенную универсальную матрицу. Совершенно очевидно, что существует инвариантная жанровая модель всех без исключения путешествий (и литературных, и документальных): она может быть сформулирована почти с математической точностью – путь героя из пункта А в пункт Б с определенной целью, остановками и встречами в пути. Наполнение же этой схемы каждый раз индивидуально. Путь может быть выписан довольно подробно или состоять из некоторого ряда эпизодов, особо запомнившихся автору. Повествование о путешествии может иметь фабулу или быть бесфабульным, если, как отмечал Б. В. Томашевский, «оно повествует только о виденном, а не о личных приключениях путешествующего» [Томашевский, 1925, с. 136]. Зависеть это может от целеполагания автора и той жанровой формы, в рамках которой описывается ситуация путешествия. Нам представляется, что можно говорить как минимум о трех жанровых вариантах описания путешествия: условно-документальный травелог, травелог литературный и рассказ о путешествии внутри мемуарного повествования. Специфика последнего составляет предмет интереса в данной статье.

С точки зрения травелога как такового (документального или же литературного) объектом наррации является сам процесс путешествия (путь), но в мемуарном повествовании о путешествии на первый план выходят факт присутствия/перемещения автора-героя в ином пространстве и переживание им этого события. Травелог как таковой – не самоцель мемуарного повествования. Сюжетная ситуация путешествия встраивается в общий мемуарный сюжет как одно из воспоминаний в череде других.

Так, например, в «Записках» Е. Р. Дашковой довольно объемную часть повествования занимает описание ее путешествия по Европе, куда, как известно, она отправилась с целью завершить образование сына. Но, поскольку перед нами именно мемуарное произведение, европейские страны предстают в нем не столько как пространства путешествий Дашковой, сколько как часть ее прошлой жизни. Ретроспективный нарратив в данном случае обеспечивает сюжетную недискретность, включая путешествие в общий контекст воспоминаний. На первом месте здесь не описание достопримечательностей или фиксирование увиденного, но, как уже говорилось, сам факт личного впечатления, опыта или, точнее сказать, воспоминание о впечатлении. Л. Я. Гинзбург сравнивала литературу воспоминаний с поэзией, поскольку и той и другой свойственно «открытое и настойчивое присутствие автора» [Гинзбург, 1999, с. 118]. В «Записках» Дашковой авторское «я» мемуариста выходит на первое место. Личное впечатление от событий оказывается в контексте ее мемуаров иной раз значительно более важным, чем само событие. Например, излагать свое впечатление от собора Святого Петра в Риме² Дашкова начинает не с описания самого собора, как это делали другие путешественники, а с фиксации того, что произошло именно с ней в этом пространстве: «В соборе Святого Петра я беседовала с папой. Он разговаривал со мной очень милостиво и, казалось, был доволен, услышав от меня заслуженную похвалу его благородному (и осуществленному) замыслу» [Дашкова, 1987, с. 132]. В двух предложениях вполне четко обозначено, кто является безусловным центром рассказа Дашковой. Путешествие по Европе, описанное в ее «Записках», представляет собой, по сути, череду воспоминаний о встречах. В мемуарах Дашковой Европа – это не только и не столько памятники культуры, сколько люди, которых она встречает, ее прежние и новые знакомые.

² Отметим, что описание собора Святого Петра – обязательная часть всех без исключения путевых записок, журналов и писем русских путешественников, посетивших Рим в XVIII в. Ср., например, «Журнал путешествия» В. Н. Зиновьева, письма из Италии Д. И. Фонвизина и др.

Отметим, что принцип «случайной встречи», как организующее повествование начало, характерен прежде всего для литературного травелога. Автор моделирует такие встречи для своего героя, создавая тем самым, с одной стороны, иллюзию достоверности описываемого, а с другой – способствуя «раскрытию» героя (как это происходит, например, в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева). В мемуарном же тексте достоверность повествования в подтверждении не нуждается: она предопределена самим жанром, автор пишет о том, что происходило с ним самим, или о том, свидетелем чему он был. Достоверная, объективная реальность, преломляясь сквозь призму сознания автора-мемуариста, определенным образом перестраивается, создавая единый сюжет воспоминаний. Дашкова, вспоминая и описывая свое европейское путешествие, очевидно, включает в повествование не все встречи, а только те, которые помогают ей создать законченный образ своего прошлого, себя и своей жизни. Таким образом, эти встречи так же, как и в литературном травелоге, совершенно неслучайны, а напротив, тщательно отобраны автором. Как, например, встреча Дашковой с прусским королем Фридрихом Великим, который, несмотря на то, что «во время смотров никогда не принимал дам», сделал исключение для княгини Дашковой: «За ужином принцесса сказала, что я войду в историю как личность, для которой король сделал исключение из правила» [Дашкова, 1987, с. 140]. Встреча за встречей Дашкова выстраивает маршрут своего путешествия (и своей жизни в целом); путь, совершает который исключительная личность, жившая в исключительную эпоху.

Сочетание невымысленности и субъективности – вот один из главных принципов повествования в мемуарном произведении. Безусловно имевший место исторический факт, попадая в контекст индивидуальных воспоминаний мемуариста, приобретает совершенно личностное звучание. Как, например, это происходит в другом автобиографическом сочинении XVIII в. – «Похождении прапорщика Климова», относящемся ко второй половине 90-х гг. Путешествие А. Я. Климова представляет собой значительный фрагмент его мемуаров, в котором описывается долгий путь автора на родину после тридцатилетнего прусского плена. Повествование Климова отличает вектор движения путешественника: конечной целью становится не посещение и открытие для себя иных земель, но возвращение на родину. Центральная идея, которой подчиняется все повествование, – «надежда быть в России». Это – главный выбор, который делает автор мемуаров, это – конечная цель его пути-странствия. Именно эта цель, как отмечает Т. Е. Автухович, придает «сюжетную завершенность его мемуарам» [Автухович, 2014, с. 153]. Аналогично «Запискам» Дашковой в «Похождении» Климова описаны встречи мемуариста с самыми разнообразными персонажами. Но с кем бы не свела его «злая судьба», – встреча каждый раз становится своего рода испытанием/искушением для героя-мемуариста. При этом в соответствии с законами жанра, как и в «Записках» Дашковой, авторское «я», личные переживания мемуариста всегда оказываются на первом плане. Даже в ситуации встречи его с королем прусским Фридрихом или австрийской императрицей Марией-Терезией.

В мемуарном повествовании Климова сочетаются традиции агиографической литературы, жанра хождений, черты авантюрного романа. Дорога домой изображается почти как паломничество в Святую землю. Череда разного рода испытаний, которые выпадают на долю автора, выстраивается, в конечном итоге, в развернутую сюжетную ситуацию жизненного пути как постоянно совершаемого нравственного выбора: бежать от наказания за непредумышленное убийство командира или остаться и принять все, что выпадет; принять католичество и остаться в «камедулском» (камальдальском. – *О. Ф.*) монастыре или, не имея ни гроша, двигаться дальше; остаться в Пруссии или, несмотря ни на что, возвращаться в Россию. Для Климова выбор очевиден. Более того, свой путь он осмысляет именно как служение России, борение «слабого духа» против «злости судьбы», противостоя-

ние, в котором дух одерживает победу именно потому, что цель была велика. Именно это позволяет Климову написать в финальном акростихе: «О, как я счастлив, что в отчизне умираю! / Всем потомкам пример я оставляю. / Видишь, читатель, предложенные мною вести, / Которые приношу я России к чести» [Похождение, 2011, с. 177]. В отличие от большинства мемуарных текстов, в составе которых присутствует рассказ о путешествии, в «Похождении» Климова финал пути на родину совпадает с финалом основного сюжета мемуаров – достижение желаемой цели, возвращение в Россию.

Специфика жанра мемуаров такова, что прошлое не просто выстраивается как череда неких картин-воспоминаний, но картины эти автором-мемуаристом осмысляются как единый сюжет, которому свойственны завершенность, целостность, очерченность осмысливаемых фрагментов мемуарного материала. Вот к чему, в конечном итоге, тяготеет любой мемуарист, воссоздавая образ своего прошлого, отбирая материал и выстраивая сюжетную линию своих воспоминаний.

По этой причине в мемуарном повествовании о пути-путешествии героя зачастую происходит обусловленное жанром «редуцирование» сюжетной ситуации путешествия, воспроизводится только то, что в памяти автора прошло проверку временем. Здесь также нельзя не отметить, что мемуарное повествование склонно к преувеличению, преуменьшению или идеализации описываемого. Примером этого могут служить «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой», написанные ею в 1767 г. (впервые опубликованы ее внуком князем Иваном Долгоруким в 1810 г.), где большую часть повествования занимает драматическое описание вынужденного путешествия в ссылку вместе с семьей мужа [Долгорукая, 1991]. Несмотря на безусловную эмоциональность автора, драматическое переживание происходящего и обусловленную этим некоторую сбивчивость повествования, в нем есть все компоненты травелога: сборы в дорогу, расставание с домом (с прошлым), сама дорога со всеми перипетиями, финал пути.

Мемуарист не имеет возможности подробно описать абсолютно все, что с ним происходило в прошлом, он может вспомнить, отразить и записать только те события, которые, как уже было отмечено, особенно «врезались» в память, то, что произвело сильное впечатление. В «Записках» Долгорукой особое место занимают повествования о буре, застигшей ее и ее опальных родственников на реке, и о пути по «каменной дороге». Это, по сути, самостоятельные ситуации нравственного выбора, испытания и преодоления себя внутри основной сюжетной ситуации путешествия. По сути, весь текст «Записок» состоит из череды таких эпизодов. Жизненный путь Н. Б. Долгорукой сформулирован ей самой: «за 26 дней благополучных, или сказать радостных, 40 лет по сей день стражду» [Там же, с. 259]. Дорога в ссылку, занимающая большую часть повествования «Записок», по сути является отражением всего жизненного пути автора, который, совершенно в традициях агиографической литературы, может быть описан именно как путь добровольного страдания и сострадания, которое необходимо смиренно принять.

Путешествие как часть автобиографического сюжета сопоставимо с путешествием как сюжетом литературным. В последнем герой претерпевает внутреннюю эволюцию (откровение, перерождение), он не может закончить путешествие таким, каким его начал. В этом, по сути, квинтэссенция литературы путешествий – путь, дорога как поиски истины, себя, мира³. Для автора-героя мемуарного повествования воспоминание о путешествии и рассказывание о нем имеет, как нам представляется, аналогичное семантическое звучание, усиленное спецификой са-

³ Таковы, например, самые известные русские литературные травелоги XVIII в. – «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

мого жанра. Прошедшая весь долгий и мучительный путь в ссылку, оказавшаяся в сибирском Березове, Наталья Долгорукая мало похожа на ту девушку, какой она изображает себя в начале «Своеручных записок».

Е. Анисимов сравнивает Наталью Долгорукую с женой протопопа Аввакума, смиренно принимающей испытания. Однако в комментариях к «Своеручным запискам» он указывает на характерную черту не только мемуаров Долгорукой, но и всех текстов этого жанра – субъективный, продиктованный разными причинами, но зачастую не вполне соответствующий действительности, взгляд: «Факты свидетельствуют о другом, далеком от благонаравия образе жизни и поведении И. А. Долгорукого в Березове, что в немалой степени стало причиной последующих несчастий всего клана Долгоруких» [Анисимов, 1991, с. 358]. Этот комментарий относится к тому месту «Своеручных записок», где Наталья Борисовна превозносит добродетельность своего мужа в ссылке: «Я не постыжусь описывать его добродетели, потому что я не лгу» [Долгорукая, 1991, с. 278]. Такое утверждение автора может быть объяснено тем, что образ прошлого, который воссоздает мемуарист в своем «автобиографическом самосознании» (термин М. М. Бахтина), омысливается им как совершенно достоверный.

Достоверность истории, рассказываемой мемуаристом, обеспечивается, помимо всего прочего, самой структурой повествования и мемуарного сюжета, главной линией которого является воспоминание о том, что было. А воспоминание о себе и воспоминание о мире неотъемлемо в контексте мемуарного текста одно от другого.

В «Записках» Евграфа Федотовича Комаровского, которые считаются ценным и достоверным источником для изучения истории России конца XVIII – начала XIX в., для реконструкции дворянского домашнего и придворного быта не только России, но и ряда европейских государств, есть несколько фрагментов с описанием путешествий самого автора и других лиц, о которых он, служа по дипломатической части, не мог не упомянуть. Так, Комаровский описывает, в частности, таврическое путешествие Екатерины II: «Вояж сей императрицей Екатериной предпринят был для обозрения присоединенного полуострова Крыма и Тавриды к России князем Потемкиным, которому и дан был титул Таврического. Назначено было также иметь свидание с римским императором Иосифом II во время плавания ее величества на галерах по Днепру, по случаю предполагаемой тогда войны у обеих империй против Порты Оттоманской. Император Иосиф приехал под именем графа Фалькенштейна. Сей вояж по Днепру и по Крыму описан принцем Делинем и графом Сегюром. <...> Путешествие представляло торжественное шествие» [Комаровский, 1990, с. 3–4].

Обращает на себя внимание абсолютная документальность повествования, для подтверждения достоверности которого автор прибегает к свидетельствам из других источников, тщательному прописыванию маршрута «вояжа», старается сделать как можно более полным список лиц, сопровождавших императрицу. Этот небольшой, «бессюжетный», по определению Б. В. Томашевского, фрагмент по стилю и манере описания явно контрастирует со следующим далее повествованием о собственном пути Комаровского в Париж, куда он был послан как дипломатический курьер. И здесь, когда описываемые события представлены как лично пережитые, возникает развернутая сюжетная ситуация: «Из Киева в конце марта того же года отправлен я был курьером в Париж с подарками к министрам французского двора... Подарки сии уложены были в двух ящиках и посланы по случаю заключенного с Францией первого торгового трактата, я поехал в перекладной повозке. Не доезжая до первой станции – Василькова, я сбился с дороги, ибо уже смеркалось; повозка моя завязла и с лошадьми в большую лужу. К несчастью моему, ямщиком был со мною мальчик, который в первый раз, по словам его, ехал по этой дороге. <...> Я не знал, что мне делать, послать ли ямщика на следующую стан-

цию... или самому ехать. Я решился на последнее; вооружив ямщика моими двумя пистолетами и саблей, сел верхом на отпряженную лошадь и поехал, сам не зная, куда. К счастью, я выбрался на большую дорогу и приехал на станцию. Тотчас была заложена повозка, в которой я поскакал отыскивать завязшую в грязи. <...> Каково же было мое положение – я знал, что со мной отправлено на несколько сот тысяч рублей драгоценных вещей и что сие непременно дойдет до сведения императрицы, и, сверх того, первое сделанное мне поручение оказалось бы так неудачно, за что бы я мог подвергнуться строгой ответственности. Я пришел в такое отчаяние... <...> Проехав несколько верст назад, я увидел влево небольшую дорогу и приказал ямщику туда повернуть, но он мне сказал: – Там, барин, не проедешь, там топь ужасная. – Да может быть, там-то мы и увязли, – отвечал я ему. И точно, сделавши версты с полторы, я громко назвал по имени прежнего ямщика, и он мне откликнулся. Я не могу изъяснить тогдашней моей радости...» [Комаровский, 1990, с. 5–6].

Это дорожное приключение образует достойную авантюрного романа сюжетную ситуацию внутри большого мемуарного текста и, по сути, заменяет собой полноценное и подробное описание всего пути Комаровского до Парижа. Яркое эмоциональное личное переживание «перекрывает» в памяти автора мемуаров другие события, ситуации и впечатления, которых наверняка было немало в дороге.

Таким образом, анализ даже некоторого числа мемуарных текстов XVIII в., включающих рассказ о путешествии мемуариста, позволяет говорить о том, что, не будучи основным объектом мемуарного нарратива, путешествие тем не менее является важной составляющей единого сюжета воспоминания. Сюжетная ситуация путешествия, встраиваясь в рассказ о жизненном пути автора, «подсвечивает» его, подчеркивая прихотливость и исключительность судьбы мемуариста.

Список литературы

Автухович Т. Е. «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина Н*****» и «Похождение прапорщика Климова»: роман как жизнь, жизнь как роман // Нарративные традиции славянских литератур: От Средневековья к Новому времени. К юбилею члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской: Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 148–154.

Анисимов Е. В. Комментарий // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991. С. 351–360.

Антохов А. В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в.: Генезис, жанрово-видовое многообразие, поэтика: Дисс. ... д-ра филол. наук. Брянск, 2003.

Антохова С. Ю. Поэтика комического русской провинциальной мемуарно-автобиографической прозы второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005.

Билинкис М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман. СПб., 1995.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1999.

Даикова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987.

Долгорукая Н. Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева // Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е – 1760-е годы). Л., 1991.

Елизаветина Г. Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западно-европейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 235–263.

Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990.

Муравьева В. В. Традиции русской агиографии в мемуаристике XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века). СПб., 2011.

Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе Русского просвещения: Дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010.

Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.; Л., 1925.

Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб., 2004.

О. А. Farafonova

Travel as a plot Russian memoirs of the XVIII century

In the Russian memoirs of the 18th century the narratives of travels are rather common phenomena, which may be associated with a significant increase in the number of Russian citizens traveling in the post-Petrine era. The formation of the Russian literature of travel, as well as of memoirs prose, falls on the second half of the century. The memoirs, or to put it differently, the individual and personal narrative about their own way-voyage, is built, as the author of the paper believes, on the basis of certain stable components of the plot, of universal repeating patterns, worked out by the literary and cultural tradition. The retrospective narrative of a memoirs work supposes the existence of the main motive, which subjugates the entire narrative structure – the motive of recollection. From the viewpoint of the travelogue as such (documentary or literary), the object of a narration is the process of traveling (the way) proper, but coming to the forefront in the memorialistic narrative about traveling is the fact of the presence / movement of the author-hero in a different space and of experiencing this event by him. The travelogue as such is not an end of the memoir narrative in itself.

Keywords: memoirs, travel, plot situation, narrative, recollections.

DOI 10.17223/18137083/54/1